

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-9-35-50
Оригинальная исследовательская статья
Original research paper

Морально-этические проблемы в концепции памяти Поля Рикера

О.И. Мачульская

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

Концепция памяти является основополагающей в феноменологической герменевтике Поля Рикера. Ученый формулирует понятие справедливой памяти и ставит в связи с этим перед философией две глобальных задачи: эпистемологическую, предполагающую сохранение аутентичных представлений о прошлом, и этическую, требующую адекватной оценки действий субъектов истории с позиции нравственных норм. Моральный долг памяти вменяет в обязанность человечеству донести до будущих поколений знания о совершенных подвигах и злодеяниях, объективно квалифицировать произошедшие исторические события, проявить сострадание к жертвам социальных катаклизмов. Деятельность памяти характеризуется двумя взаимосвязанными тенденциями: искусством памяти и искусством забвения. Искусство памяти подразумевает форсирование спонтанного запоминания, настоящего сознания, опирающееся на методы мнемотехники. Искусство памяти не является абсолютной задачей. С точки зрения Рикера, высшей целью являются этические ценности. Поскольку общество не может жить в состоянии непрерывной вражды и ненависти, в исключительных ситуациях во имя поддержания мира и предотвращения насилия следует прибегнуть к позитивному забвению, позволяющему перенести в резерв воспоминания о причиненном зле и очистить память от гнева. В качестве примера подобного позитивного забвения, способствующего нейтрализации конфликтов и консолидации общества, философ анализирует практику амнистии, предполагающей отмену юридического преследования представителей оппозиции и введение моратория на разоблачение и осуждение их действий при условии лояльности и отказа от насилия. Рикер приходит к выводу о том, что метафизическим горизонтом памяти является способность к прощению. Парадокс духовности заключается в доверии к человеку, в признании свойственного людям непреодолимого предназначения к добру. Это доверие к возможности возрождения личности допускает условное прощение виновного человека, не отменяя необходимости справедливого порицания преступных деяний и сострадания к их

жертвам. Этически просвещенная память архивирует знания о причиненном зле ради самоочищения до отказа от ненависти.

Ключевые слова: Рикер, память, забвение, вина, амнистия, прощение, примирение.

Мачульская Ольга Игоревна – научный сотрудник сектора современной западной философии Института философии РАН.

hermeneutique.academie@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9040-0160>

Для цитирования: Мачульская О.И. Морально-этические проблемы в концепции памяти Поля Рикера // Философские науки. 2019. Т. 62. № 9. С. 35–50. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-9-35-50

Moral and Ethical Problems in the Concept of Memory of Paul Ricœur

O.I. Machulskaya

Institute of Philosophy, Russian Academy of Science, Moscow, Russia

Abstract

The concept of memory is fundamental to the phenomenological hermeneutics of Paul Ricœur. The scientist formulates the concept of fair memory and sets two major tasks in for this philosophy: the epistemological one presupposing preservation of authentic ideas about the past, and the ethical one, which requires an adequate assessment of agents in history from the standpoint of moral norms. The moral duty of memory obliges humanity to convey to future generations the knowledge of achievements and atrocities committed in history, in order to objectively qualify historical events that have taken place and to show compassion for the victims of social cataclysms. The activity of memory is characterized by two interrelated trends: the art of memory and the art of oblivion. The art of memory involves the forcing of spontaneous memorization inherent in consciousness, based on the methods of mnemonics. The art of memory is not an absolute task. From the point of view of Ricœur, ethical values are the highest goal. Since no society can exist in a state of continuous hostility and hatred, in exceptional situations, in order to maintain peace and prevent violence, it has to resort to positive oblivion, which allows transferring evil memories to reserve areas and clearing the memory of anger. As an example of such positive oblivion, contributing to neutralization of conflicts and consolidation of society, the philosopher analyzes the practices of amnesty, involving abolition of legal prosecution of opposition activists and adoption of a moratorium on the exposure and condemnation of their past actions, subject to future loyalty and non-violence. Ricœur comes to the conclusion that the metaphysical horizon of memory is its ability to forgive. The paradox of spirituality consists in confidence in man, in admitting that striving for goodness is inherent in humans. This confidence of the possibility of a person's spiritual

rebirth enables conditional par a guilty person, without abolishing the need for a just censure of criminal acts or compassion for victims. Such ethically enlightened memory stores knowledge of inflicted evil for the sake of self-purification and further rejection of hatred.

Keywords: Ricœur, memory, oblivion, guilt, amnesty, forgiveness, reconciliation.

Olga I. Machulskaya – Research Fellow, Department of Modern Western Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.
hermeneutique.academie@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9040-0160>

For citation: Machulskaya O.A. (2019) Moral and Ethical Problems in the Concept of Memory of Paul Ricœur. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 9, pp. 35–50.
DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-9-35-50

Введение

Тема памяти является одной из центральных в концепции Поля Рикера. Как говорил сам философ в интервью в связи с изданием в России его книги «Память, история, забвение» [Рикер 2004], над этой проблемой он начал размышлять в 40-е гг. XX в. под влиянием учения Ясперса и исследовал ее на протяжении всей своей творческой деятельности. Рикер работал над основополагающими для герменевтики проблемами понимания и повествования. «Актуальность этой темы обусловлена тем, что повествование, рассказ позволяют установить связь с опытом времени, поскольку рассказ разворачивается во времени и повествует о событиях, происходящих во времени, о персонажах, живущих во времени. В соотношении времени и повествования присутствует опосредующее звено – память» [Рикер 2004, 8], – поясняет он. С одной стороны, память выполняет функцию хранительницы времени, поскольку мы убеждены в реальности произошедших событий благодаря тому, что мы о них помним и рассказываем. С другой стороны, память свидетельствует о состоявшихся во времени событиях посредством повествования, структурирующего воспоминания. «Поэтому возникает необходимость создания феноменологии памяти, то есть описания того, что греки называли анамнесис (anamnesis) – припоминание» [Рикер 2004, 8], – подчеркивает Рикер. Таким образом, продолжает философ, «...одной из ведущих тем моего исследования, помимо соотношения времени и повествования, стало соотношение личной памяти, коллективной памяти и истории как научной дисциплины, опирающейся на анализ конкретных фактов и материалов» [Рикер 2004, 9]. Изучение проблемы памяти сопровождалось глубокими изысканиями в области философии, истории, антропологии, психо-

логии, лингвистики. Проблему памяти в учении Рикера исследовали Дж.Э. Бараш [Barash 2004; Бараш 2012; Barash 2016; Бараш 2017], Ж.М. Ганьебен [Gagnebin 2019], И.И. Блауберг [Блауберг 2013], М.М. Федорова [Федорова 2018]. Этическую концепцию Рикера анализировали И.С. Вдовина [Вдовина 2013], М. Кастийо [Кастийо 2008], О.И. Мачульская [Мачульская 2014].

Во введении к книге «Память, история, забвение» автор излагает основные направления своего исследования. В первой части рассматривается феноменология памяти и мнемонических явлений. Вторая часть посвящена эпистемологии истории. В третьей части речь идет о герменевтике исторического существования. Рассуждения Рикера о проблемах памяти и забвения последовательно приводят его к необходимости осмыслить широкий круг вопросов этики, морали и практической деонтологии: памяти как морального долга, вины, примирения, прощения. В итоге тема этических аспектов концепции памяти становится еще одним значимым направлением теории Рикера, вызывающим пристальный научный интерес у читателей его работ.

Свою этическую систему Рикер обстоятельно излагает в книге «Я-сам как другой» («*Soi-même comme un autre*»), называя ее «Малой этикой», а в дальнейшем дополняет в работах «Этика и мораль» («*Ethique et morale*»), вошедшей в труд «Книга для чтения – I: О политике» («*Lectures – I: Autour du politique*»), и «От морали к этике и к этическим позициям» («*De la morale à l'éthique et aux éthiques*»), опубликованной в книге «Справедливое – II» («*Le Juste – II*»). Теоретик феноменологической герменевтики различает три уровня морально-этического сознания: этический, моральный и практический. Этика представляет собой сферу аксиологии, фундаментальных размышлений о высшем благе и абсолютных ценностях, свободного и творческого поиска нравственных идеалов. Мораль – это область деонтологии, она выражает позицию долженствования и выполняет задачу оценки этического суждения посредством общеобязательных норм. Практическая мудрость – это прикладная этика, благодаря которой сложившиеся представления о нормах и ценностях применяются в реальной жизни. В данной статье мы не будем придерживаться позиции строгого разграничения ценностного, нормативного и практического аспектов этики, поскольку сам Рикер, работая над темой памяти, акцентирует внимание прежде всего на содержательном исследовании разнообразного спектра взаимосвязанных проблем философского, исторического, этического, политико-юридического характера и отмечает, что термины «этика» и «мораль» с философско-лингвистической точки зрения являются эквивалентными и различаются лишь этимологически.

Память как моральный долг

Во введении к книге «Память, история, забвение» Рикер заявляет о том, что идея политики справедливой памяти (*la juste mémoire*) является для него одной из главных тем, изучение которой он считает своим гражданским долгом. В интервью, посвященном изданию его книги в России, автор поясняет, что «...коллективная память – это память о моральной обязанности осуществлять справедливость или допускать ее воплощение. Совершая хорошие или плохие поступки, человек является не просто индивидом, испытывающим давление обстоятельств, но мыслящим субъектом, который, сталкиваясь с препятствием, созидает собственную идентичность. Индивидуальная и коллективная память, способствующая формированию личной идентичности, порождает проблему справедливой памяти» [Рикер 2004, 9]. Слово «*juste*», означающее во французском языке, с одной стороны, «верный», «адекватный», «аутентичный» и, с другой стороны, «справедливый», «правомерный», «праведный», демонстрирует подход философа к трактовке проблемы памяти – правдивого воспоминания о прошлом и соблюдения требований морального долга по отношению к воспроизводимым в сознании событиям и их участникам.

Рикер исследует феномен утраты адекватности и целостности воспоминаний и анализирует причины забвения. По мнению ученого, исчезновение знаний об исторической реальности обусловлено стиранием мнемических следов. Недостаточность свидетельств, артефактов, документальных подтверждений приводит к отсутствию представлений о значимых исторических событиях, жизни цивилизаций, выдающихся достижениях культуры.

Распространенной причиной искажения представлений о прошлом является опасный процесс манипулирования памятью по политическим и идеологическим мотивам. Философ называет эту практику хитрой стратегией формирования «навязанного рассказа» [Рикер 2004, 125] в качестве инструмента «порабощения памяти» [Рикер 2004, 125]. Целенаправленная ложь, замалчивание и извращение сути событий приводят к доминированию некорректных представлений о реальности, способных соблазнить целые поколения. Примерами такой циничной пропаганды являются идеологические методы нацизма и сталинизма. Теоретик герменевтики ссылается на дискуссию немецких историков конца 80-х гг., в ходе которой было продемонстрировано сходство способов воздействия на массовое сознание в гитлеровской Германии и в СССР в период сталинской диктатуры.

Кроме того, существует вероятность несоблюдения объективности и беспристрастности со стороны участников событий, представителей средств массовой информации и ученых-историков, трактующих их,

что способствует возникновению мифов, стереотипов и фобий сознания. Рикер обращается к исследованию Пьера Нора «Места памяти» («Les Lieux de mémoire»), в котором автор анализирует прецеденты инверсии памяти – ситуации, характеризующейся тем, что модель памяти вытесняет историческую модель, создавая ложную картину прошлого. К подобным случаям неадекватной интерпретации исторических событий следует отнести попытки идеализировать Великую французскую революцию, изображая данную эпоху как выдающийся прецедент героической борьбы за свободу, демократию и прогресс, игнорируя при этом доказанные факты колоссального разгула террора и насилия, тотального раскола общества, духовной деградации, социально-экономической стагнации страны.

Рикер исследует синдром травмированной памяти – уклонения от воспоминаний о чудовищных страданиях со стороны жертв и очевидцев исторической трагедии (ужасы мировых войн, Холокост). Он рассматривает творчество Primo Levi¹ – итальянского писателя-эссеиста, этнического еврея, выжившего в Освенциме и посвятившего свою дальнейшую деятельность документальному, художественному и философскому осмысливанию опыта геноцида и бытия человека на грани жизни и смерти. Как отмечает Леви, несмотря на то, что именно страстное желание рассказать миру правду о преступлениях нацистов помогло ему выжить в концлагере, он столкнулся со специфической особенностью феномена памяти – бессознательным или осознанным стремлением не вспоминать о трагическом. Подобные попытки скрыть или ретушировать достоверные сведения о зверствах садистов-палачей и массовых убийствах невинных людей были присущи не только лицам, причастным к уничтожению мирных граждан, но и, как это ни парадоксально, самим жертвам. Пострадавшие от преступлений нацизма говорили о том, что им невыносимо тяжело нести бремя воспоминаний о жестокости, страданиях и нравственном падении человека в условиях тоталитаризма. Леви констатирует: «...Воспоминание о травме, полученной или нанесенной, – тоже травма, оно вызывает боль, в лучшем случае – беспокойство; поэтому оскорбленный старается не ворошить воспоминания, чтобы не открылась рана; оскорбивший – запятать их поглубже, чтобы освободиться, облегчить груз вины» [Леви 2010, 18].

Согласно Рикеру, идея справедливости позволяет реализовать две главные задачи памяти – эпистемологическую (сохранение аутентичных знаний о прошлом) и этическую (исполнение морального

---

¹ Primo Levi (Primo Levi, 1919–1987) – итальянский литератор, поэт, публицист, переводчик. Участник антифашистского сопротивления, бывший узник Освенцима. Приобрел мировую известность благодаря автобиографическим эссе, посвященным теме Холокоста.

долга). По мнению философа, «...среди всех добродетелей добродетель справедливости по своему существу и по своему назначению обращена к другому» [Рикер 2004, 129]. Долг помнить вменяет в обязанность воздавать справедливость другим людям, отличным от «я-сам». Идея долга связана с понятием наследия, подразумевающего, что мы обязаны тем, кто предшествовал нам, за то, какие мы есть. «Долг памяти не ограничивается сохранением материального – письменного или какого-либо иного – следа свершившихся фактов; он включает в себя чувство обязанности по отношению к другим, которых... уже нет, но они были» [Рикер 2004, 129]. Таким образом, заключает Рикер, «именно справедливость... превращает память в проект, и именно сам проект справедливости придает долгу памяти форму повелевающего будущего» [Рикер 2004, 128]. Как следует из логики рассуждений философа, долг памяти предъявляет требование донести адекватную информацию об исторических событиях, позволяющую дать справедливую этическую оценку подвигам либо злодеяниям субъектов действия, сохранить адекватные представления о нравственных нормах и ценностях в сознании человечества. Поминание и скорбь о жертвах социальных катаклизмов является примером сострадания и дает надежду на их предотвращение в будущем. Эти идеи созвучны высказываниям А.И. Солженицына о том, что его книга «Архипелаг ГУЛАГ» написана кровью миллионов невинных жертв тоталитаризма, от лица которых он стремился говорить в своих произведениях, чтобы увековечить память о них и донести правду о чудовищных преступлениях сталинского режима: «Я выполнил свой долг перед погибшими, это дает мне облегчение и спокойствие. Эта правда обречена была изничтожиться, ее забывали, топили, сжигали, растирали в порошок. Но вот она соединилась, жива, напечатана – и этого уже никому никогда не стереть» [Солженицын 1991].

Искусство памяти и искусство забвения

Как утверждает Рикер, работа памяти характеризуется двумя взаимодействующими модальностями. Это искусство памяти – *ars memoriae* и искусство забвения – *ars oblivionis*. Искусство памяти представляет собой методику целенаправленного усиления естественного запоминания, присущего сознанию. Философ называет это усилие подвижничеством запоминания.

Рикер регулярно обращается к работе британского историка культуры Френсис Йейтс² «Искусство памяти» [Yates 1966]. С точки зрения Йейтс, существуют два вида памяти: естественная (врожденная) и искусная (приобретенная). «Естественная память, присущая нашему уму, рождается одновременно с мыслью. Ис-

---

² Френсис Йейтс (Frances Amelia Yates, 1899–1981) – британский историк культуры, автор ряда работ, в которых исследуются проблемы памяти, мнемотехники и преемственности традиций в культуре.

кусная память — это память, развитая и укрепленная упражнением. Хорошая естественная память может быть улучшена благодаря тренировке, а люди менее одаренные могут укрепить свою слабую память, если обратятся к искусству» [Йейтс 1997, 16–17], — поясняет она. Английский теоретик памяти анализирует наследие философии и культуры Античности, Средневековья и эпохи Возрождения и воссоздает методологию запоминания, опирающуюся на места и образы памяти и соединяющую принципы мнемотехники и оккультной тайны. При этом, как отмечает Йейтс, если «... в древнем мире, незнакомом с книгопечатанием, не имеющим бумаги для записи и тиражирования лекций, развитая память имела жизненно важное значение» [Йейтс 1997, 16], то в современную эпоху искусная память не является обязательным качеством и представляет собой скорее уникальное свойство интеллекта отдельных личностей, своеобразную гимнастику ума.

Симметричной запоминанию тенденцией является забвение, заключающееся в устраниении избыточной памяти. Этой способности посвящена книга немецкого исследователя истории и философии языка Харальда Вайнриха³ «Лета. Искусство и критика забвения» [Weinrich 1997], которую также часто цитирует Рикер. Вайнрих предостерегает от злоупотребления искусством памяти и призывает к разумному использованию естественной памяти. Аргументируя свою точку зрения, он ссылается на высказывание Гельвеция о том, что великий ум вовсе не предполагает великой памяти. Забвение — необходимый спутник памяти, выполняющий задачу структурирования информации по степени актуальности.

Как считает Рикер, проблема памяти и забвения помимо эпистемологического значения имеет важный этико-практический смысл. Безусловно, память должна противодействовать утрате аутентичных знаний о прошлом под давлением разрушительной силы времени. Тем не менее верная память не есть абсолютная задача. С точки зрения философа, высшей целью являются моральные ценности. Когда речь идет о трагических событиях истории, следует понимать, что «общество не может жить в бесконечном гневе против самого себя» [Рикер 2004, 693–694]. В экстремальных условиях глобальных конфликтов практическая мудрость диктует необходимость пожертвовать памятью во имя поддержания мира и предотвращения насилия. И здесь на помощь приходит искусство позитивного забвения. Следует различать заб-

---

³ Харальд Вайнрих (Harald Weinrich, род. 1927) — немецкий филолог, специалист в области истории и философии языка и литературы. Сформулировал оригинальные концепции памяти и забвения и лингвистики лжи.

вание, связанное со стиранием следов, и забвение, предполагающее сознательный отказ от гнева и тирании воспоминаний о пережитых страданиях.

По мнению Рикера, примером управляемого забвения является амнистия. Понятие «амнистия», этимологически и семантически близкое слову «амнезия», означает акт отмены юридического преследования для определенных социальных групп при условии их лояльности и отказа от насильственных действий. Амнистия применяется в ситуации масштабных конфликтов – революций, гражданских войн, политических столкновений, несущих угрозу миру и общественному порядку, либо масштабных социальных преобразований, требующих консолидации сил. Данная акция, как правило, распространяется на действия, совершенные обеими сторонами конфликта. «Общепризнанной целью амнистии является примирение между враждующими гражданами, гражданский мир» [Рикер 2004, 625].

Одним из древнейших прецедентов амнистии является упоминаемый Аристотелем Афинский указ 403 г. до н.э., принятый после победы демократии над олигархией тридцати тиранов, запрещающий мстить побежденным и напоминать о причиненном зле. Широко известен провозглашенный в 1598 г. Генрихом IV Нантский эдикт, даровавший равноправие католикам и протестантам, предписывающий предать забвению события религиозных войн и прекратить преследования участников противоборства. В период действия этого эдикта религиозные столкновения во Франции были приостановлены.

В качестве еще одного показательного примера амнистии философ приводит работу комиссии «Правда и Примирение» в ЮАР в 1996–1998 гг. Комиссия была создана по инициативе президента Нельсона Манделы и работала под руководством архиепископа Десмонда Туту⁴. Задачей комиссии было выявление и осуждение преступлений, совершенных сторонниками апартеида и борцами против расизма, амнистирование участников конфликта, признавших свою вину, и поддержка жертв политического насилия. К работе комиссии помимо ее официальных членов привлекались представители общественности, журналисты, интеллектуалы, духовенство. Уникальный опыт

---

⁴ Десмонд Мпило Туту (Desmond Mpilo Tutu, род. 1931) – англиканский архиепископ Кейптаунский. Первый чернокожий епископ в ЮАР, борец с апартеидом, проповедник идей толерантности, ненасилия и примирения. После свержения режима апартеида в ЮАР возглавлял комиссию «Правда и Примирение», занимавшуюся расследованием преступлений, совершенных в период гражданского противоборства в стране. Лауреат Нобелевской премии мира 1984 г.

данной инициативы по примирению вызвал научную дискуссию, в которой приняли участие известные философы Поль Рикер, Жак Деррида, Антуан Гарапон⁵, Барбара Кассен⁶. Обвиняемым и потерпевшим надлежало изложить факты преступлений, совершенных в период апартеида: убийств, истязаний, насилия, нарушений прав человека. Субъекты насильственных действий, осуществленных по политическим мотивам (защита режима апартеида либо борьба против расизма), получали шанс на амнистию при условии честного признания своей вины и принятия новых демократических установлений. Жертвы насилия получили возможность рассказать о чудовищных преступлениях и пережитых страданиях, излить свое горе перед лицом судей и обидчиков. Таким образом, как считает Рикер, слушания «...несомненно способствовали совместному катарсису...» [Рикер 2004, 668] и «...дали исторический шанс публичной форме работы памяти и скорби на службе общественному миру...» [Рикер 2004, 670]. При этом, как отмечает одна из членов комиссии, правозащитница Ясмин Соока, если в политическом плане потерпевшие признавали целесообразность амнистии, то в моральном плане большинство пострадавших были не готовы простить обвиняемых. Основной целью амнистии было решение политической задачи – предотвращение гражданской войны и установление мира. В отчете комиссии было указано, что «примирение не обязательно подразумевает прощение, но подразумевает минимальную волю к сосуществованию и совместному урегулированию в мирном ключе различных последствий» [Cassin 2004, 37]. Процесс примирения «...означает, что все жители Южной Африки принимают на себя моральную и политическую ответственность за то, чтобы воспитывать культуру прав человека» [Cassin 2004, 37]. В связи с этим Барбара Кассен подчеркивает необходимость разграничения политики и этики. «Политика и этика очевидным образом соперничают друг с другом за одну и ту же конечную цель: “благую жизнь”, как говорил Аристотель;

⁵ Антуан Гарапон (Antoine Garapon, род. 1952) – французский юрист, специалист в области философии права, бывший судья, публицист, радиоведущий, генеральный секретарь Института фундаментальных исследований юстиции в Париже

⁶ Барбара Кассен (Barbara Cassin, род. 1947) – французский историк философии, переводчик, специалист в области философии языка, теории перевода, риторики, психологии коммуникации. Главный редактор и один из авторов «Европейского словаря языков философии». Разрабатывала методику ведения дискуссий с целью разрешения мировоззренческих и политических конфликтов. Данные изыскания нашли эффективное практическое применение в процессе преодоления последствий апартеида в ЮАР, где по инициативе Кассен была создана Ассоциация риторики и коммуникации.

но политика обеспечивает архитектуру этой жизни, тогда как этика имеет в виду только сам мир как общее достояние» [Cassin 2004, 39]. Деятельность комиссии следует оценивать не с точки зрения кантовской морали автономии воли, а «...с позиций аристотелевского понимания политики: в политике не может быть... частной области, политика всегда имеет в виду... общее» [Cassin 2004, 42]. Работа комиссии по примирению положила начало осуществлению политической задачи предотвращения насилия. В ракурсе этики ситуацию можно было бы охарактеризовать как имитацию согласия и прощения, вынужденное отрицание памяти, приоткрывающее перспективу долгого пути по реализации этической цели – осознания вины и прощения.

Прощение как горизонт умиротворенной памяти

Как утверждает Рикер, прощение образует метафизический горизонт памяти и истории. «Прощение оказывается трудным: не легким, но и не невозможным» [Рикер 2004, 633]. Экзистентную предпосылку прощения составляет вина. Опыт вины, как это продемонстрировал Жан Набер, обретается в процессе рефлексии и является отправной точкой для формирования морального самосознания. Карл Ясперс относит осознание вины к состоянию предельных ситуаций (*situations limitées*) и различает четыре типа виновности: уголовную – нарушение правовых норм, политическую – преступные действия государства и активное или пассивное участие граждан в них, моральную – несоблюдение этических требований, метафизическую – причастность человека трансгисторической традиции зла. С точки зрения Рикера, способность признавать себя виновным является одной из фундаментальных характеристик морали – вменяемости, означающей готовность человека быть свободным и сознательным субъектом собственных действий, – человеком могущим (*l'homme capable*) – и нести за них персональную ответственность. Сложным моментом в соотношении вины и прощения является, по мнению философа, их несоразмерность: глубинный характер вины и возвышенный характер прощения. Тем не менее прощение существует и имеет особый духовный смысл. «Есть прощение, как есть радость, есть мудрость, безрассудство, любовь» [Рикер 2004, 644], – настаивает он. Рикер обращается к гимну любви, провозглашенному св. Павлом в Первом послании к Коринфянам. Прощение возможно, потому что речь идет о даре духовном, о благодати. Любовь присутствует всегда и является всеобъемлющей. Она есть сама высота и полнота, и потому ее сила распространяется повсеместно. «А если любовь прощает все, то это “все” включает в себя и непростительное. Иначе она стала бы отрицанием себя самой»

[Рикер 2004, 645]. Парадокс духовности заключается в доверии к человеку, в признании наличия у людей неустранимого экзистенциального предназначения к добру. Необходимо уметь «отделить агента от его акта» [Рикер 2004, 679], т.е. разъединить возможности действия и их реализацию. Субъект, совершивший безнравственный поступок, безусловно, является виновным, а его деяния – греховными. Речь идет о том, чтобы простить виновного, осуждая его действия. Рикер ссылается на идею Деррида об условном прощении виновного, как если бы не фактически, но потенциально он мог бы стать другим. Подобное отношение к человеку, подчеркивает Рикер, «...выражает акт веры, доверие к возможностям возрождения “я”» [Рикер 2004, 680], предваряющее «...соединение прощения и раскаяния» [Рикер 2004, 680]. Задача этически просвещенной памяти заключается в том, чтобы, не отказываясь от аутентичной картины истории, не пренебрегая долгом справедливого порицания преступных деяний и сострадания к их жертвам, перенести в резерв, архивировать воспоминания о причиненном зле с целью очищения памяти до отказа от гнева, умиротворения общественного сознания.

Заключение

Концепция памяти является основополагающей в феноменологической герменевтике Поля Рикера. Память выполняет значимые эпистемологическую и этическую задачи. Философ развивает идею о том, что память представляет собой необходимую способность мышления человека, а историческая память является важнейшей составляющей культуры, источником устойчивых социальных и нравственных ориентиров, без которых невозможны позитивная деятельность в настоящем и проектирование будущего.

По мнению Рикера, информация, сохраняющаяся в памяти, не может быть полностью адекватна реальности. Память – как личная, так и коллективная – всегда является субъективно обусловленной. Содержание памяти зависит от мировоззрения и индивидуального опыта ее субъектов – индивидов и социальных групп, социально-политических условий жизни ее носителей, идеологических влияний и манипулирования общественным мнением и иных ситуационных факторов. Данные памяти требуют уточнения со стороны исторической науки. Память – это совокупность многообразных знаний, взаимно дополняющих друг друга и вступающих в некоторых случаях в противоречия. Французский философ трактует феномен памяти с позиций теории интерпретации: «...Множественность интерпретаций и даже конфликт интерпретаций являются не недостатком или пороком, а достоинством понимания, образующего суть интерпретации...» [Рикер 1995, 8].

Проблема памяти, как утверждает Рикер, имеет особое этическое измерение. Память является моральным долгом. Необходимо сохранить и передать последующим поколениям знания о совершенных в прошлом подвигах и преступлениях, дать им справедливую оценку, чтобы поддерживать тем самым существование моральных норм в культуре человечества и предотвратить повторение в дальнейшем чудовищных прецедентов насилия. Мы обязаны проявлять сострадание к жертвам социальных потрясений, помнить о героических поступках, донести до наших потомков воспоминания об ушедших людях, поскольку мировоззрение каждого человека уникально и ценно для истории.

Как утверждает философ, справедливая память не является абсолютной целью коллективного сознания. Принципы деонтологии нуждаются в коррекции с позиции аксиологии. Высшие этические ценности – идеалы всеобщего блага, любви и мира должны стать определяющими ориентирами в процессе принятия практического решения. Рикер предлагает производный от категорического императива Канта функциональный критерий этического выбора, позволяющий, с его точки зрения, соединить задачи аксиологии (этики), деонтологии (морали) и практической целесообразности (жизненной мудрости): «Действуй исключительно согласно максиме, гласящей, что ты можешь вместе с тем хотеть, чтобы *не было того, чего не должно быть*, а именно – зла» [Рикер 2008, 259].

Поскольку общество не может жить в состоянии непрерывной вражды и ненависти, в исключительных ситуациях во имя поддержания мира и предотвращения насилия следует прибегнуть к позитивному забвению, позволяющему перенести в резерв воспоминания о причиненном зле и очистить память от гнева. Французский мыслитель приходит к выводу о том, что метафизическим горизонтом памяти является способность к прощению. Доверие к возможности возрождения личности допускает условное прощение виновного человека, не отменяя необходимости справедливого порицания преступных деяний и сострадания к их жертвам. Этически просвещенная память архивирует знания о причиненном зле ради самоочищения до отказа от ненависти.

Историческая память сохранила немало примеров того, когда значение тех или иных событий, роль социальных сил и личностей являются противоречивыми и не подлежат однозначной оценке. Благие намерения и позитивные идеалы остаются неосуществленными и порождают хаос и насилие. Противостоящие друг другу стороны конфликта преследуют утилитарные и циничные цели, а события развиваются стихийно и катастрофически: Столетняя война в Европе, Великая французская революция, Октябрьская революция и Гражданская война в России, Первая и Вторая мировые войны. Субъекты истории оказываются вовлеченными в глобальные трагические катаклизмы с непредсказуемыми последствиями. С точки зрения практической

эффективности и целесообразности невозможно однозначно квалифицировать подобные действия и события. Однако с позиции морали возможно и необходимо дать справедливую оценку конкретным человеческим поступкам – подвигам и злодеяниям, честному исполнению долга и мужественному отказу от участия в преступных действиях.

Показательный пример трансформации представлений о прошлом описывается термином «синдром Виши» – выражением, введенным в научный оборот историком Анри Руссо⁷, обозначающим процесс мучительного и противоречивого осознания французским народом сущности коллаборационистского режима под предводительством маршала Петена, установившегося во Франции в период оккупации страны войсками нацистской Германии.

В книге «Синдром Виши: от 1944 до наших дней» («Le syndrome de Vichy: de 1944 à nos jours»), на которую ссылается Рикер, Руссо демонстрирует эволюцию трактовки исторической роли проекта «Национальной революции» Петена и сотрудничества с Германией от радикального осуждения и требований возмездия к пересмотру и частичному оправданию, а затем – амнистии, стремлению к толерантности и примирению. Тем не менее французское общество единодушно отвергает предательство, насилие, жестокость, совершенные во время оккупации, и гордится нравственной стойкостью героев Сопротивления.

Книга «Память, история, забвение», написанная Рикером на закате XX в. и обобщающая опыт размышлений философа над проблемой памяти и ее этическими аспектами, остается актуальной в современных условиях и служит великому делу примирения человечества.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бараш 2012 – *Бараш Дж.Э.* Что такое коллективная память? К вопросу об интерпретации памяти Полем Рикером / пер. с франц. И.С. Вдовиной // *Философские науки.* 2012. № 10. С. 32–43.

Бараш 2017 – *Бараш Дж.Э.* Влияние учения Хайдеггера на концепцию истории П. Рикера / пер. с франц. О.И. Мачульской // *Философские науки.* 2017. № 8. С. 87–105.

Блауберг 2013 – *Блауберг И.И.* О памяти и забвении: П. Рикер и А. Бергсон // *Поль Рикер в Москве.* – М.: Канон+, 2013. С. 191–206.

Вдовина 2013 – *Вдовина И.С.* Поль Рикер: практическая мудрость философии // *Поль Рикер в Москве.* – М.: Канон+, 2013. С. 267–276.

---

⁷ Анри Руссо (Henry Rousso, род. 1954) – французский историк. Автор ряда работ, посвященных истории Второй мировой войны, анализу тоталитаризма, теме Холокоста, проблеме исторической памяти. Его книга «Синдром Виши: от 1944 до наших дней» [Rousso 1987] вызвала мощный резонанс в среде французских интеллектуалов.

Рикер 1995 – *Рикер П.* Герменевтика. Этика. Политика. – М.: КАМИ, 1995.

Рикер 2004 – *Рикер П.* Память, история, забвение. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.

Рикер 2008 – *Рикер П.* Я-сам как другой. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008.

Йетс 1997 – *Йейтс Ф.* Искусство памяти. – СПб.: Университетская книга, 1997.

Кастийо 2008 – *Кастийо М.* Понятие этики и морали в учении Поля Рикера / пер. с франц. О.И. Мачульской // *Поль Рикер – философ диалога.* – М.: ИФ РАН, 2008. С. 12–23.

Леви 2010 – *Леви П.* Канувшие и спасенные. – М.: Новое издательство, 2010.

Мачульская 2014 – *Мачульская О.И.* Этическая концепция Поля Рикера: ответ антинормативной философии // *Поль Рикер: Человек – общество – цивилизация.* – М.: Канон+, 2014. С. 249–257.

Солженицын 1991 – *Солженицын А.И.* Интервью журналу «Time» от 19.01.1974 // *Новый мир.* 1991. № 8.

Федорова 2018 – *Федорова М.М.* История/память: «трудная» дилемма // *История философии.* 2018. Т. 23. № 1. С. 108–121.

Barash 2004 – *Barash J.A.* Politiques de l'histoire. L'historicisme comme promesse et comme mythe. – Paris: Presses universitaires de France, 2004.

Barash 2016 – *Barash J.A.* Collective Memory and the Historical Past. – Chicago; London: Chicago University Press, 2016.

Cassin 2004 – *Cassin B.* Amnistie et pardon: pour une ligne de partage entre éthique et politique // *Vérité, réconciliation, réparation.* – Paris: Seuil, 2004. P. 37–57.

Gagnebin 2019 – *Gagnebin J.M.* Les empêchements de la mémoire // *Études Ricœuriennes / Ricœur Studies.* 2019. Vol 10. No 1. P. 43–57.

Roussio 1987 – *Roussio H.* Le syndrome de Vichy: de 1944 à nos jours. – Paris: Seuil, 1987.

Weinrich 1997 – *Weinrich H.* Lethe, Kunst und Kritik des Vergessens. – München: C.H. Beck, 1997.

Yates 1966 – *Yates F.A.* The Art of Memory. – London: Routledge; Chicago: University of Chicago Press, 1966.

REFERENCES

Barash J.A. (2004) *Politiques de l'histoire. L'historicisme comme promesse et comme mythe.* Paris: Presses universitaires de France (in French).

Barash J.A. (2012) What Is a Collective Memory? On the Question of Paul Ricœur's Interpretation of Memory. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki.* 2012. No. 10, pp. 32–43 (Russian translation).

Barash J.A. (2016) *Collective Memory and the Historical Past.* Chicago: Chicago University Press.

Barash J.A. (2017) The Reality of the Historical Past: The Heideggerian Turn in Paul Ricœur's Reflection on History. *Russian Journal of Philoso-*

phical Sciences = *Filosofskie nauki*. 2017. No. 8, pp. 87–105 (Russian translation).

Blauberger I.I. (2013) On Memory and Oblivion: P. Ricœur and A. Bergson. In: Vdovina I.S. (Ed.) *Paul Ricoeur in Moscow* (pp. 191–206). Moscow: Kanon + (in Russian).

Cassin B. (2004) Amnistie et pardon: pour une ligne de partage entre éthique et politique. In: Cassin B., Cayla O., & Salazar P.-J. (Eds.) *Vérité, réconciliation, réparation* (pp. 37–57). Paris: Seuil (in French).

Castillo M. (2008) The Concept of Ethics and Morality in the Doctrine of Paul Ricoeur. In: Blauberger I.I. (Ed.) *Paul Ricoeur Is a Philosopher of Dialogue* (pp. 12–23). Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russian translation).

Gagnebin J.M. (2019) Les empêchements de la mémoire. *Études Ricœuriennes / Ricoeur Studies*. Vol 10, no 1, pp. 43–57 (in French).

Levi P. (1986) *I sommersi e i salvati*. Torino: Einaudi (Russian translation: Moscow: Novoye izdatel'stvo, 2010).

Machul'skaya O.I. (2014) The ethical concept of Paul Ricoeur: the answer of anti-normative philosophy. In: Blauberger I.I. & Vdovina I.S. (Eds.) *Paul Ricoeur: Man – Society – Civilization* (pp. 249–257). Moscow: Kanon + (in Russian).

Fedorova M.M. (2018) History/Memory: The “Difficult” Dilemma. *Istoriya filosofii / History of philosophy*. Vol. 23, no. 1, pp. 108–121 (in Russian).

Ricœur P. (1990) *Soi-même comme un autre*. Paris: Seuil (Russian translation: Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury, 2008).

Ricœur P. (1995) *Hermeneutique. Ethique. Politique*. Moscow: KAMI (Russian translation).

Ricœur P. (2000) *La mémoire, l'histoire, l'oubli*. Paris: Seuil (Russian translation: Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury, 2004).

Rousso H. (1987) *Le syndrome de Vichy: de 1944 à nos jours*. Paris: Seuil (in French).

Solzhenitsyn A.I. (1991) Interview with the Time magazine on January 19, 1974. *Novyy mir*. 1991. No. 8 (in Russian).

Vdovina I.S. (2013) Paul Ricoeur: The Practical Wisdom of Philosophy. In: Vdovina I.S. (Ed.) *Paul Ricoeur in Moscow* (pp. 267–276). Moscow: Kanon + (in Russian).

Weinrich H. (1997) *Lethe, Kunst und Kritik des Vergessens*. München: C.H. Beck (in German).

Yates F.A. (1966) *The Art of Memory*. London: Routledge; Chicago: University of Chicago Press (Russian translation: Saint Petersburg: Universitetskaya kniga, 1997).